

НИНЕЛЬ НУАР

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
БАРЫШНИ СОФЬИ
под угрозой

Нинель Нуар
Вторая жизнь барышни
Софьи под угрозой
Серия «Вторая жизнь
барышни Софьи», книга 3

*<https://litres.ru/74541544>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Он был моим врагом.

Стал союзником.

А теперь нежно держит за руку и уверяет окружающих, что мы по уши влюблены.

Жаль, его враги не в курсе, что все это притворство, и уже нацелились на меня.

Теперь главное — пережить эту игру и не увлечься по-настоящему.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Нинель Нуар

Вторая жизнь барышни Софьи под угрозой

Глава 1

Сташевский с трудом отодрал от себя столичную штучку и с нескрываемым ужасом уставился на незваных гостей.

— Мы не женаты! — рявкнул он, не особо сдерживаясь.

— Зачем ты так? — на глазах девицы заблестели почти натуральные слезы. — Мы ведь с детства вместе, не чужие. К чему формальности?

— Какие формальности? — Сташевский развернулся к дядюшке и прошипел, понизив голос: — Помолвка была расторгнута еще до моего отъезда по обоюдному согласию!

Вокруг нас уже начали собираться жаждущие свежих сплетен из высших кругов рабочие, и я поспешила вмешаться, пока сцена не стала окончательно неприглядной:

— Пройдемте в чайную, там как раз подоспел пирог с земляникой. Все и обсудим... без лишних глаз и ушей.

Похоже, барышня как раз хотела побольше зрителей, чтобы наверняка вынудить бывшего жениха признать их связь. Но воспитание спорить не позволило.

— Показывайте дорогу, — бросила она мне высокомерно и совершенно нелогично процокала острыми каблучками мимо, возглавляя шествие.

Благо шла она в правильном направлении, и я снова смолчала.

Сташевский поравнялся со мной и виновато прошипел:

— Они тут ненадолго, я их быстро спроважу!

— Не переживайте так, не бесплатно поди жить будут. Нам средства не помешают, — флегматично пожалала я плечами, про себя костеря непрошенных проверяющих на все корки.

Мне приличные постояльцы нужны, а не те, что станут выискивать дефекты в побелке и тараканов в супе! От этих же хорошего ждать не приходится. По лицам видно, не за развлечением приехали, а по делу.

Блудного жениха возвращать.

Помнится, в прошлой жизни Сташевский помер довольным процветающим холостяком. Вдова Пташинская не в счет. И никакие невесты к нему не приезжали.

Значит, история изменилась. В чем? Очевидно же, царь его простил, мало того — вскорости еще и наградит за проявленную бдительность и местами героизм.

Вывод?

Невестушка решила подсуетиться и заверить бывшего в своей неременной искренности. И помолвку восстановить, а в идеале еще и провести церемонию в ближайшее время,

чтобы перспективный суженый никуда не делся. Родственники царя, пусть и дальние, на дороге не валяются.

Чайная встретила нас тишиной, запахом свежей сдобы и печеных яблок. Пирог кухарке удался, травяной взвар я лично поутру дегустировала и признала бодрящим и приятным на вкус, так что без сомнений приказала принести всего, да побольше, в отдельную комнатку для совещаний.

Ресторацию и чайную я приказала закончить одними из первых. Пусть ночевать у нас все еще негде особо, купцов следует потихоньку приучать, что здесь не только передохнуть можно, но и перекусить отменно. И некоторые уже стали завсегдатаями. Ближе нашего к станции только две забегаловки: пельменная и блинная. Да пирожки с рук иногда купить можно. Но посидеть вот так, с достоинством, в приличном антураже, только в «Золотом саду».

Название мы придумывали долго, с бурными спорами и списком доводов. Я вообще предлагала «Империял», поскольку очевидно, что вскорости проект перейдет под патронаж дворца. Но Сташевский убедил, что звучит оно слишком вызывающе. Государь только с него опалу снял, еще рассердится снова, что тогда делать? Пришлось думать в более нейтральную сторону. В итоге, учитывая окружающие комплекс плодовые деревья, решили обозначить очевидное.

В последующих стройках будем специально высаживать яблони и груши. Растут они быстро, принимаются охотно, так что соблюсти антураж сможем без особых проблем.

Комнатка для совещаний была достаточно просторной, чтобы за столом свободно разместилось от шести до восьми упитанных купцов. Троице побеседовать вполне сгодится. На окне красовались свежие цветы, с ненавязчивой биркой под ними — «Цветочный салон госпожи Лозинской».

Я убедилась, что скатерть новая, а тарелки чистые, и собиралась было уходить, но Сташевский незаметно дернул меня за рукав и отодвинул четвертый стул.

— Присаживайтесь, Софья. Я от вас ничего не скрываю, — белозубо ухмыльнулся Сташевский и прижал к груди мою руку.

Со стороны — крайне романтический жест, и только я понимала, что Витольд только что бессовестно переложил на меня часть собственных проблем.

Ему-то за разрыв помолвки ничего не будет, поскольку инициировал его не Сташевский. А вот мне, за якобы увод чужого жениха, может и прилететь от общества. Слухи безжалостны, при нужном руководстве могут вырасти до неприличных масштабов.

Однако памятуя о его бесценной помощи на балу и бесстрашном отваживании от меня Каменецкого, я сдержалась и молча уселась, куда указали.

Придется подыграть немного.

Взглядами барышни и ее родственника можно было бы

прожечь знатную дыру в любой поверхности. Но я к вниманию привычная, и лишь зеркально отразила вежливую улыбочку Сташевского.

— Итак, что вы желали обсудить?

— Барышня, не знаю уж как вас там... Это касается меня и моего жениха, посторонние здесь неуместны, — процедила Леокадия на грани приличий.

— О, прошу прощения, вина полностью моя. Я настолько расслабился в этом провинциальном раю, где все друг с другом знакомы, что напрочь забыл о манерах! — слегка нарочито всплеснул руками Сташевский. — Позвольте представить, мой партнер в делах Софья Мещерская.

При этом паршивец произнес безобидное слово «партнер» так, что всем сразу стало понятно: речь вовсе не о предпрятии.

Умеет же владеть голосом, тут ему не откажешь.

— Софья, это хороший друг моих родителей, господин Глинский, и его племянница, Леокадия Глинская.

— Очень приятно, — сдержанно склонила голову я.

Подскакивать и приседать в книксене не было ни малейшего желания, да и выглядеть оно в штанах будет так себе.

— Взаимно, — процедил господин Глинский таким тоном, будто мое присутствие оскорбляет его до глубины души, но из врождённого благородства он сделает вид, что все в порядке.

Принесли истекающие алым соком кусочки пирога и два

чайника с горячим янтарно-золотистым взваром. Сташевский тут же услужливо наполнил мою чашку, напрочь проигнорировав сидевшую напротив барышню.

Показательно и наглядно.

— Итак, помолвка, — не дожидаясь пока семейство Глинских созреет, начал Витольд. — Если я все правильно помню, перед моим отъездом из Московии мне доставили записку: «Договоренности семьи должны быть пересмотрены, поскольку обстоятельства изменились».

— Именно. Об отмене помолвки там не было ни слова! — торжествующе воздел пухловатый палец господин Глинский.

— А о чем же тогда? — прищурился Сташевский, совершенно не собираясь вестись на это дешевое балаганное представление. — Более никаких договоренностей наши семьи не имели. Кроме того, за все время, что я пребываю в ссылке, ни единого письма до Унгура не добралось. А как добропорядочная невеста, Леокадия должна была писать мне регулярно. Разве нет? Ну скучала, мало ли, томила в неведении, тревожилась, в конце концов...

— Я писала! — вскинулась девица. И тут же потупилась: — Правда, не отправляла.

— Ты же не хотел бы, чтобы фамилия Глинских оказалась замешана в ваших спорах с князем? — мягко, по-отечески заметил ее дядя. — Я всего лишь проявил заботу о твоей нареченной, не позволив ей вмешаться в скандал и запятнать репутацию. Теперь же, когда все улеглось, почему бы вам не

продолжить общение?

— Общение? Обязательно! — хмыкнул Сташевский. — Наши семьи тесно дружат, было бы чистейшей воды неблагодарностью отказаться от вашей милостиво протянутой руки. Но о браке не может быть и речи.

— Отчего же? — пришла очередь дядюшки сурово прищуриться. — Теперь, когда государь намеревается щедро одарить тебя, решил забыть о прежних привязанностях? Счел нас недостойными?

— Вовсе нет, — спокойно пожал плечами Витольд. — Это вы сочли меня недостойным, едва мои дела пошатнулись.

Рубанул сплеча, без обиняков. Просто, понятно — и совершенно недопустимо по столичным меркам. Там даже при плохой игре положено делать хорошую мину, будто тебя не предали, а как минимум рублем одарили.

— Как ты можешь говорить об этом так прямо?! — ахнула Леокадия.

Сташевский оскалился.

— В этой провинции я не только позабыл о манерах, но и научился чуть лучше разбираться в людях. А также в их мотивах. Заключать помолвку с барышней, что готовасбежать от меня при любой опасности — не слишком здраво, как по мне. Что, если впоследствии государь вновь на меня осерчает? Разводиться? Я, знаете ли, однолюб!

Тут я не выдержала и фыркнула, вспомнив вдову и прочие мимолетные увлечения, которые успели побывать в постели

Сташевского в прошлой жизни. Витольд строго на меня покосился и неожиданно накрыл мою ладонь своей.

Я замерла от прикосновения неожиданно горячих пальцев.

Вот уж совершенно излишнее притворство!

Но выворачиваться перед свидетелями — свести на нет все усилия. Моя улыбка не померкла ни на мгновение.

— Полагаю, это и есть твоя единственная любовь? — не скрывая скепсиса, протянул господин Глинский.

— Надеюсь, да! — просиял Сташевский и уставился на меня осоловело-коровьим взглядом, что в его представлении, видимо, означало крайнюю степень влюбленности. — Мы пока что не объявляем о наших отношениях, но вы мои самые близкие люди в этом захолустье, кому сказать первым, как не вам?

— То есть ты твердо намерен расторгнуть помолвку? — дрогнувшим голосом переспросила барышня Глинская. — Ты не подумал, как это скажется на моей репутации?

— Точно лучше, чем брак с изгнанником, верно? — прищурился Сташевский, сплетая наши пальцы и демонстративно выкладывая соединенные руки на скатерть, как еще одно диковинное блюдо. — Видишь, как я о тебе забочусь! Не позволяю загубить свою жизнь в этой дыре.

Умом я понимала, что Витольд сейчас больше издевается

и зло подтрунивает над теми, кого издавна считал почти семьей, но слышать подобное в адрес родного Унгура было все равно неприятно. Пусть мы далеки от центра цивилизации, и все новинки моды и техники до нас доползали с опозданием в год или даже пять, зато у нас куда душевнее выходили и праздники, и простые посиделки, а уж соседи точно намного любезнее столичных и всегда помогут, вместо того чтобы подножку подставить.

«Не все, далеко не все», — вынуждена я была признать, вспомнив Воронцовских и мятежников. Однако бунтовские веяния тоже были принесены из Московии подручными князя Велигорского, так что если хорошенько подумать, не так уж я и неправa.

— Кто говорит о жизни в этой дыре? — в отличие от Сташевского, интонации господина Глинского отчетливо свидетельствовали: он и правда считает Унгур дырой. — Ты скоро вернешься в столицу, мальчик мой. Ты подумал, как воспримет тебя общество, явись ты рядом с этой...

Тут я многозначительно откашлялась и вздернула бровь, напоминая, что «эта» все еще сидит перед ним и соблюдать приличия все же стоит.

— И что же со мной столь категорически не так? — не удержалась от язвительного вопроса. — Не берите в расчет мой нынешний внешний вид, у нас, знаете ли, стройка в разгаре.

— Вот именно! Какая приличная барышня станет мараТЬ

руки в известке? — сморщила хорошенький носик Леокадия.

— Барышня, которая помогла предотвратить мятеж? — любезно подсказал Сташевский. — Если вы не в курсе, то благодарность не только мне полагается.

— Да, еще тем Воронцовским. Повезло им, наконец-то в свет вернутся, — хмыкнул господин Глинский.

— И барышне Мещерской, за неоценимый вклад в исследование.

Лица столичных гостей искривились совершенно одинаково, выдавая все, что они думали о моем участии нелестного. Ну правда, что может провинциальная барышня предложить следствию? Свежие сплетни и рецепт пирога?

— Весьма предусмотрительно с твоей стороны указать барышню Мещерскую в отчете. Теперь против нее и слова сказать нельзя, выйдет опосредованное оскорбление государя, — поджал губы Глинский. — Но ты же сам понимаешь, что в столице ей не место?

— Не то чтобы я туда собиралась... — пробормотала я себе под нос и чуть не вскрикнула, потому что руку сжали еще крепче.

— Мы все поедем вскорости. Когда указ выйдет, — с нажимом пояснил Сташевский.

Это обязательно? Мы так не договаривались! Я вообще думала отделаться грамотой какой-нибудь.

— Тем более. — Приезжие переглянулись, как мне пока-

залось, с облегчением. — Главное, с громкими словами не торопитесь. А там поосмотритесь, сами поймете, кто подходящая пара, а кто — нет. Молодые вы еще, горячие.

Смотрел господин Глинский при этом на Сташевского, в упор.

Мол, мы тебе простим заблуждение, погуляй уж, но потом возвращайся и остепенись.

— Совершенно согласен, — кивнул Витольд.

Я аж на него покосилась, не уверенная, шутит он или всерьез поддакнул.

— Вы как раз очень вовремя приехали, — продолжал Сташевский. — Поживете здесь, осмотритесь на стройке. Кстати, весь комплекс — задумка госпожи Мещерской. Радецкий вам подтвердит. А там, глядишь, и указ придет, вместе в столицу вернемся.

Господин Глинский нахмурился, подозревая подвох, но не находя его с ходу.

Барышня выглядела расстроенной. Мне ее даже немного жаль было: вряд ли она сама надумала порвать с опальным женихом. Такие решения всегда принимали старшие в роду. И иногда ошибались.

А исправить ошибки куда сложнее, чем избежать их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.